

ТИНА ФЕЛИС

ЛАРСОН ПЕРВЫЙ

Часть первая. Пробуждение

Тина Фелис

Ларсон Первый

«Автор»

2026

Фелис Т.

Ларсон Первый / Т. Фелис — «Автор», 2026

Смерть деда переворачивает жизнь Ларсона: вместо привычного мира — старый дом, полный тайн, и завещание, которое связывает его с чем-то куда большим, чем наследство. Голос деда, звучащий из нейросети спустя годы после его смерти. Древние коды, спрятанные в мифах и пирамидах. Проект «Умная Планета» — и вопрос, который однажды задаёт себе каждый: кто я в этом мире и что могу изменить? Вместе с загадочным Августином Ларсон отправляется по следу тайны, ведущей от Великой пирамиды Гизы до встреч с богами древности — Гермесом, Афродитой, Иштар. Стихийные бедствия, инопланетный след, борьба технологий и природы — и в центре всего этого один вопрос: можно ли спасти планету, не потеряв в себе самое человеческое? «Ларсон Первый» — первая часть фэнтези-дилогии о взрослении, бессмертии и цене знания. История, в которой приключение неотделимо от философского разговора о будущем — нашем общем и личном.

© Фелис Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление	6
Введение	7
Часть первая	8
Глава 1. Потрясение	9
Глава 2. Переезд Ларсона в дом деда	16
Глава 3. Завещание	18
Глава 4. Первые приключения	20
Глава 5. Сон о мусоре	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Тина Фелис Ларсон Первый

Тина Фелис

ЛАРСОН ПЕРВЫЙ

Часть первая. Пробуждение

Оглавление

- Часть первая
- Глава 1. Потрясение
- Глава 2. Переезд Ларсона в дом деда
- Глава 3. Завещание
- Глава 4. Первые приключения
- Глава 5. Сон о мусоре
- Глава 6. Квадрат 13 и новые потрясения
- Глава 7. Августин
- Глава 8. Первая встреча Августина с «пришельцами»
- Глава 9. Странная посылка
- Глава 10. Адонис
- Глава 11. Борьба с природной стихией
- Глава 12. Стихийные бедствия, часть 1. «Зима ужасов», «Огненные драконы» и «Морской дьявол»
- Глава 13. Мысленный след
- Глава 14. Отчёт. День первый: «Голос внутри»
- Глава 15. Отчёт. «Зазеркалье»
- Глава 16. Древние цивилизации
- Глава 17. Августин и его главная задача
- Глава 18. Встреча с Хранителем внутри Великой пирамиды Гизы
- Глава 19. Код, оставшийся между жизнями
- Глава 20. Перехват
- Глава 21. Код пробуждения
- Глава 22. Те, кто стоят у порога. Третий ключ
- Глава 23. Хранилище Памяти Вида
- Глава 24. Тайные узлы надежды
- Глава 25. Новая этика Умной Планеты
- Глава 26. Послы Софии
- Глава 27. Напутствие перед полётом
- Глава 28. Голос из глубины
- Глава 29. Встреча с Иштар
- Глава 30. Страж между мирами
- Глава 31. Гермес у моста
- Глава 32. Купол Сердец

Введение

«Человек, рождён для великой радости, для беспрестанного творчества, в котором он — бог, для широкой, свободной, ничем не стеснённой любви ко всему: к дереву, к небу, к человеку, к собаке, к милой, кроткой, прекрасной земле, ах, особенно к земле, с её блаженным материнством, с её утрами и ночами, с её прекрасными ежедневными чудесами...» Александр Куприн

Какой мы хотим увидеть нашу планету и самих себя в будущем?

Можно ли исправить то, что мы сделали со своей планетой — с водой, воздухом, землёй, что дают нам жизнь? Можно ли сделать это, не разрушив при этом в себе самое человеческое?

Мы часто об этом размышляем: о важных вещах в жизни — о знании, бессмертии, о человеке и его роли, и о том, каким может стать будущее нашей планеты. И именно из этих разговоров постепенно родилась идея написать эту книгу.

Это история о молодом человеке, который однажды оказывается перед тайнами, способными изменить его представление о жизни, его роли в ней, времени, бессмертии и будущем Земли.

В этой книге есть истории о древних кодах, спрятанных в пирамидах и мифах; технологии, способные укротить стихии; космические открытия и голос деда, звучащий из нейросети спустя годы после его смерти; новые знания, встречи с богами и инопланетянами, неразгаданные тайны и яркие приключения.

Возможно, роман поможет кому-то найти свой ответ на вопросы, которые хотя бы иногда задаёт себе каждый человек: кто я в этом мире? Что я могу и должен сделать, чтобы изменить жизнь к лучшему? Как стать счастливым — и помочь в этом другим?

А что, если будущее человечества уже однажды было кем-то придумано?

Роман «Ларсон Первый» — это не только приключение, но размышление и повод немного остановиться, подумать и посмотреть на наш мир по-новому.

Приятного чтения.

Часть первая

Глава 1. Потрясение

Машина покачивалась на поворотах, и голоса сестёр и братьев сливались в один ровный гул — Ларсон не разбирал слов. Он смотрел в окно и думал о вчерашнем вечере, о словах, которые родители произнесли так осторожно, будто боялись, что от них может что-то разбиться.

Дедушка умер.

Он повторил про себя эту фразу — и снова не поверил ей, как не верил уже сутки.

— Ларсон, ты меня слышишь? — сестра тронула его за плечо.

Он не ответил. Перед глазами всплыл прошлый четверг, День благодарения, — дед сидел напротив него за столом и, как всегда, ждал, когда все отвлекутся, чтобы вполголоса спросить:

— Ну что, надумал что-нибудь про наш вечный вопрос?

Это была их игра — говорить о том, о чём взрослые за столом говорить не любят: есть ли жизнь после жизни. Дед — физик, человек науки — рассуждал об этом серьёзно, будто о рабочей гипотезе.

— А если все, кто ушёл, живут потом на небесах, — спросил тогда Ларсон, — как они там все помещаются? На каком языке говорят?

Дед усмехнулся: — А может, они как песчинки на пляже. Одна незаметна. А вместе — целый берег.

Ларсон тогда не понял, шутит дед или нет. Теперь ему казалось — не шутит.

Машина свернула к воротам, и за оградой показался дом — тот самый, увитый зеленью, с садом, который дед выращивал всю жизнь.

— Видишь тот фикус? — сказал ему как-то дед, указывая на дерево у шахматного столика под открытым небом. — Мой ровесник. Отец посадил его в год, когда я родился. У каждого дерева в этом саду есть свой человек.

— А у меня есть? — спросил тогда Ларсон.

Дед подвёл его к одинокому кипарису у бассейна — стройному, ухоженному, с табличкой, которая покачивалась на ветру.

— Это последнее, что я посадил. В день твоего рождения. Он твой ровесник — и твой советчик. Будешь путаться в жизни — приходи к нему.

Ларсон тогда рассмеялся. Дед просто обнял его.

Сейчас, глядя на этот же кипарис через окно машины, Ларсон подумал: дерево стоит на месте. А деда больше нет.

У деда было четверо детей — Эдвард и Альфред, и две дочери. Эдвард, старший, всегда ревниво следил за тем, что отец теплее относится к младшему, Альфреду — и, конечно, к его сыну Ларсону. Эту нелюбовь унаследовали и дети Эдварда — Адонис, Ванесса и Грейс. Сколько Ларсон себя помнил, они никогда не скрывали, что считают его любимчиком деда. Так, наверное, и было.

С дочерьми дед всегда держался мягче, а вот снох, Кимберли и Аделаиду, недолюбливал — и не скрывал этого, приглядывая за ними с неизменной иронией.

Когда вся семья собиралась на пикник на большой поляне за домом, дед любил повторять, посмеиваясь:

— Вот видишь, сколько нас. И на небесах места нужно будет немало.

Ларсон улыбался в ответ — хотя так до конца и не понимал, шутит дед или нет.

Дед долго молчал, глядя на фикус, и вдруг сказал:

— Хочешь, расскажу тебе одну историю? Про твою бабушку.

Ларсон кивнул — про бабушку дед рассказывал редко.

— Она ушла от меня, когда вы все выросли и я ей стал не нужен, — дед сказал это без горечи, скорее с любопытством, будто рассказывал не о себе. — А если честно, ей просто стало

скучно. У меня ведь всегда была ещё одна женщина в жизни — моя физика. А у неё был только я. И дети. А потом дети выросли.

— И тогда что? — Тогда она начала ходить на концерты. Скрипач один играл — молодой, талантливый. Сначала она просто слушала. Потом стала ездить с ним на гастроли.

— И ты не злился?

Дед пожал плечами.

— Знаешь, что говорят? Не оставляй женщину скучать в одиночестве — она уйдёт. Так и вышло. — Он помолчал и добавил тише: — Я до сих пор с теплом о ней вспоминаю. Она свою жизнь искала и нашла. Разве это плохо?

Ларсон не знал, что ответить. Ему казалось странным, что можно говорить о таком без злости — так, будто дед рассказывал не о своей боли, а о ком-то постороннем, кого он просто хорошо понимает.

Ларсон сидел напротив деда за маленьким шахматным столиком в тени фикуса, разглядывая доску, но думал совсем не о партии.

— Дед, а я хочу быть волшебником, — сказал он вдруг.

Дед не удивился. Он вообще редко удивлялся тому, что говорил внук.

— А кем ты ещё можешь быть, пока ты ребёнок? — дед откинулся на спинку стула. — Кем захочешь. Волшебником — тоже. Причём сейчас это, пожалуй, самая интересная профессия для тебя. Знаний у тебя уже достаточно.

— Знаний? — Ларсон недоверчиво прищурился. — Каких знаний?

— Разных. Чтобы стать волшебником, нужно только закрыть глаза и как следует подумать. И всё случится так, как ты захочешь. — Ты серьёзно?

— Абсолютно, — дед и не думал улыбаться, хотя обычно в такие моменты в его глазах уже плясали смешинки. — А чтобы переключаться между... скажем так, разными кабинетами знаний, тебе понадобятся аксессуары.

— Какие?

— Очки, например. Или трость. Накидка, перчатки, цилиндр — неважно что именно. Просто когда наденешь что-то из этого, эффект твоих мыслей усилится. И ты увидишь результат.

Ларсон представил себя в цилиндре и с тростью и не удержался от смеха.

— Не смейся, — дед всё-таки улыбнулся, но тут же посерьёзнел. — Только помни одно правило. Оно важнее любых аксессуаров.

— Какое?

— Мечты должны быть правильными. Всегда, при любых обстоятельствах — не навреди. Ни себе, ни другим. Это правило важнее любой магии, какую ты придумаешь.

Ларсон кивнул, хотя не до конца понял, зачем дед это так подчёркивает — будто это не совет, а предупреждение.

— А если я вырасту и стану настоящим учёным? — спросил он.

— Тогда, — дед прищурился, — ты и правда сможешь стать настоящим волшебником. Я в этом уверен. У тебя есть Покровитель. Помни о своих камнях. Ларсон тогда не поверил ему до конца — хотя очень хотел, чтобы всё было именно так, как говорит дед.

Ларсон снова вернулся к своей любимой теме — о людях хороших и плохих.

— Дед, а что если чудо-средство вечной жизни делать не для всех? Только для хороших и нужных людей.

Дед не спешил отвечать. Он всегда так делал, когда хотел, чтобы Ларсон сам почувствовал, насколько сложным был вопрос, который он только что задал так легко.

— А кто будет решать, кто хороший, а кто плохой? — спросил он наконец. — По каким критериям?

— Ну... это же просто, — начал Ларсон и уверенно, как ему казалось, стал перечислять признаки.

Но дед несколькими вопросами быстро всё запутал, и Ларсон, теряясь, начал спорить, а потом сдался:

— Ладно, мне нужно ещё подумать.

— Вот именно, — кивнул дед. — Пока ты не научишься читать мысли другого человека и по-настоящему понимать его поступки, ты не сможешь сказать, какой он на самом деле. Ты можешь быть уверен, что человек хороший — а он вдруг сделает такое, что ты изменишь своё мнение мгновенно.

— А разве можно читать чужие мысли? — удивился Ларсон. — Конечно можно, — ответил дед. — Возьми собаку. Она не говорит с тобой на твоём языке, но прекрасно тебя понимает.

— Это просто дрессировка, — возразил Ларсон. — Человек подаёт команду, собака её выполняет.

— Не всегда, — дед покачал головой и, как обычно, привёл ему ещё несколько примеров — так убедительно, что Ларсон снова не нашёл, что ответить.

— А знаешь, — сказал вдруг дед, глядя куда-то вдаль поверх сада, — я иногда думаю о другой планете. О такой, где всё было бы устроено правильно.

— Какой планете?

— Назвал бы её Страной Счастья. Или Умной планетой — так, наверное, точнее.

— А что там было бы по-другому?

Дед не ответил сразу — то ли не хотел объяснять всё сразу, то ли сам ещё не до конца всё продумал.

— Это долгий разговор, Ларсон. Как-нибудь я расскажу тебе подробнее.

Ларсон запомнил это название — Страна Счастья — и то, каким тоном дед произнёс его: не как шутку, а как что-то, над чем он думал уже давно и всерьёз. Ларсон знал, что в последнее время дед был занят особенно сильно — даже больше обычного. Он часто закрывался в своём кабинете допоздна, а на вопросы отвечал коротко: «Работаю над важным».

— Дед, а над чем ты сейчас работаешь? — спросил как-то Ларсон.

— Над тем, чтобы научить машину думать, — ответил дед. — По-настоящему думать. Не просто выполнять команды, как твоя собака, а понимать.

— А зачем?

Дед посмотрел на него внимательно, будто оценивая, готов ли внук услышать ответ полностью.

— Затем, что если получится — это изменит всё. И вопрос о том, кто хороший, а кто плохой, станет уже не таким простым, как тебе казалось.

Ларсон не до конца понял, о чём говорит дед. Но запомнил его взгляд — серьёзный, немного встревоженный, каким дед смотрел, только когда речь шла о вещах, действительно важных.

Ранним утром вся широкая площадка перед домом деда была заставлена машинами. Приезжали люди, которых Ларсон никогда не видел, — коллеги, ученики, просто те, кто хотел проститься. Дед был известен не только в науке.

В доме царил полумрак. Тяжёлые шторы были приспущены, свет приглушён, а воздух густо пах ладаном и розами, смешанными с чужими духами.

В центре зала, на высоком помосте, стоял гроб красного дерева с позолоченными ручками. Вокруг — лилии всех оттенков и тёмно-красные розы. Ларсон невольно искал глазами смерть — как будто она должна была стоять где-то здесь, среди гостей. Не в виде скелета с косой, не старухой в чёрном балахоне. Просто где-то рядом. Он вспомнил строки из Откровения — бледный конь, всадник по имени Смерть — и покачал головой: ничего подобного здесь не было. Только тихие голоса, чёрные силуэты, запах цветов.

Он вспомнил, как дед однажды пошутил:

— Мой последний лежак будет красивым. Но не очень удобным.

Так дед называл гроб — «лежак» — и посмеивался:

— Я привык спать на широкой мягкой постели, где ничто не мешает. А там, боюсь, будет тесновато. Но, учитывая, что спать я там буду недолго, — как-нибудь потерплю.

И подмигивал ему хитро, как будто знал что-то, чего не знал Ларсон.

Теперь Ларсон стоял у самого помоста и смотрел на лицо деда, не отводя глаз. Лицо было спокойным, чуть бледнее обычного, застывшим в той же полуулыбке, что и всегда.

«Ты должен знать, — говорил ему дед не раз, — что я могу уйти в любое время дня или ночи. Не знаю, когда они придут за мной. Если бы знал — обязательно предупредил бы тебя».

— Кто «они»? — спрашивал тогда Ларсон.

— Узнаешь сам. Но позже, — отвечал дед, и в его серых глазах на миг появлялась влага. Ларсон уже тогда знал: в такие минуты лучше промолчать.

«Не бойся смерти, — говорил дед. — Пифагор называл её просто сменой жилища».

Ларсон смотрел сейчас в неподвижное лицо деда и думал: и здесь дед не обманул его.

И вдруг ему показалось — дед подмигнул. Левым глазом, как обычно.

Ларсон вздрогнул, отступил на шаг, всмотрелся снова. Лицо было прежним — спокойным, застывшим.

«Показалось, — сказал он себе. — Голова закружилась».

Он вернулся на своё место рядом с семьёй.

Родители беспокойно поглядывали на него — боялись, что потеря деда может слишком тяжело сказаться на сыне. Они не знали того, что знал он: все инструкции, которые дед так

тщательно, шаг за шагом, передавал ему на этот случай — и на многие другие, — Ларсон помнил дословно.

«Когда растеряешься и не будешь знать, как поступить, — приходи под моё дерево. Ты найдёшь ответ. Никогда ничего не бойся. Я буду рядом, даже если ты меня не увидишь. Ты уже почти всё об этом знаешь».

Это «почти» до сих пор не давало Ларсону покоя.

Панихида шла своим чередом. Один за другим вставали люди и говорили о заслугах деда, о начатых, но незавершённых исследованиях. Ларсон знал об этом — дед сам не раз показывал ему свои работы, всегда заканчивая одной фразой: — То, что я не успею закончить, закончишь ты. А потом мы это обсудим вместе.

И неизменно улыбался — так, что невозможно было понять, шутит он или нет.

Иногда, впрочем, становился серьёзным. Хмурился. Замолкал. И говорил тише обычного:

— Скоро я покажу тебе свою Тайную Комнату. Место, где ты будешь работать. Без меня.

Тогда Ларсон не придавал этому значения — списал на очередную дедову загадку. Теперь он вспоминал каждое слово отчётливо, будто читал их с внутреннего экрана.

Дед впервые привёл его туда, когда Ларсону было лет семь. Толкнул неприметную дверь в конце коридора — и за ней оказалось совсем другое пространство.

Стены отсвечивали серебром, усеянные бесчисленными кнопками и огоньками — красными, зелёными, синими, большими и совсем крошечными. Потолок был похож на звёздное небо. Повсюду — оптоволокно, сложная техника, почти невидимые камеры. Экраны стояли рядами, друг за другом, будто люди в очереди за чем-то важным.

— Почему она называется тайной? — спросил тогда Ларсон, оглядываясь по сторонам.

Дед улыбнулся — той самой полуулыбкой, которую Ларсон знал лучше всего. — Это с лёгкой руки твоей бабушки. Всякий раз, когда я уходил сюда работать, она говорила: «Ты снова к своей тайной комнате? К своей любимой женщине?»

— К какой женщине?

— А ты разве не знаешь? — дед подмигнул. — Тайная комната — это мой кабинет. А женщина — моя Физика.

И рассмеялся так, как смеялся только здесь — свободно, по-мальчишески, будто снова стал молодым учёным, влюблённым в свою работу.

Ларсон запомнил этот смех. И теперь, вспоминая слова про Тайную комнату — «место, где ты будешь работать после, и без меня», — он думал: значит, дед готовил его сюда всерьёз. Не для шутки.

Уже у самого выхода из зала Ларсон заметил её.

Она стояла чуть в стороне — высокая, стройная, в широкополой чёрной шляпе с вуалью, почти скрывавшей лицо. Рядом с ней — молодой спутник, бережно поддерживающий её под локоть. Ларсон узнал его без слов: тот самый скрипач, о котором рассказывал дед.

Она подошла — на мгновение, не больше.

— Нам нужно поговорить, — сказала она тихо, глядя на него сквозь вуаль. — Мне нужно многое тебе рассказать. И передать часть документов — по просьбе твоего деда.

— Когда? — только и успел спросить Ларсон. — Я сама тебя найду. Позже.

И, не дожидаясь ответа, она отступила — её спутника торопили: гастроли, прерванные ради похорон, ждать не могли.

Ларсон смотрел ей вслед и думал: когда — позже? Но он уже знал ответ деда на такие вопросы. Нужно просто ждать. Всё придёт в своё время.

Машина уже почти час ехала по прямой дороге, и Ларсон смотрел в окно, ни на чём не задерживая взгляд. Десять дней позади — панихида, соблезнования, бесконечные лица.

Грустные воспоминания одно за другим сменялись в его голове — и вдруг, неожиданно для себя самого, он улыбнулся.

Он вспомнил, как дед однажды спросил его:

— А знаешь, Ларсон, на что девушки обращают внимание в первую очередь, когда знакомятся с тобой?

— Нет, — честно признался тогда Ларсон.

— Вот и я не знал, — усмехнулся дед. — Пока не встретил твою бабушку. Рассказать?

Ларсон кивнул, и дед, как всегда в такие минуты, слегка прищурился — будто заново переживал то время.

— Я увидел её и сразу понял: только эта кареглазая мне и нужна, на всю жизнь. И начал ухаживать — отчаянно, неуклюже. А она меня отвергала. Ей совершенно не был нужен худой очкарик, который, стоило заговорить с ней, тут же краснел и начинал заикаться. — А что, что ты был уже известным учёным — это её не занимало?

— Ни капли, — рассмеялся дед. — Тогда я сделал единственное, что мог. Перестал обращать на неё внимание. Совсем.

— Как это?

— А так. Внешне — будто её не существует. А внутри — думал о ней постоянно, знал каждую мелочь, просто не показывал виду. Занялся собой. Спорт, теннис, гребля, бег — до сих пор с этого начинаю каждый день. Ты же знаешь: утром пробежка, после полудня — теннис. Это и держит меня в форме до сих пор.

— И она это заметила?

— Не сразу. Но через какое-то время — да. Наверное, из любопытства: почему этот «тощий очкарик» вдруг перестал её замечать, когда вокруг столько поклонников? Она сама подошла ко мне и спросила: «А с кем ты играешь в теннис — и почему не позовёшь меня?»

— И что ты ответил?

— Что играю с разными партнёрами. Но могу и её добавить в список.

Ларсон невольно поморщился:

— Это же грубо звучит.

— Она тоже так подумала, — кивнул дед. — Пожала плечом и ушла, не сказав ни слова. Но через неделю вернулась. Спросила: «Ну что, моя очередь ещё не подошла?» А я ей: к сожалению, уже прошла — но я могу пригласить тебя вне очереди. Завтра, после полудня. Дед помолчал, и в его голосе вдруг зазвучала неожиданная нежность:

— После той игры мы уже не расставались. Долго. Очень долго.

— Дед, а что такое любовь? — спросил тогда Ларсон.

— Вечный двигатель, — ответил дед не задумываясь. — Старость не спасает от любви. Но любовь — спасает от старости. И не только любовь к человеку. К делу. К науке. К музыке. К спорту — ко всему, что заставляет тебя жить, а не просто существовать.

Машина качнулась на повороте, и голос деда в памяти Ларсона стих. За окном тянулись те же поля, что и десять дней назад — только теперь он ехал домой один, без надежды снова услышать эту историю от него самого.

Вопрос, который он задал тогда, — «Дед, а что такое любовь?» — не отпускал его и сейчас, годы спустя.

Он вдруг поймал себя на мысли о Лауре. О том, как она смеялась, запрокинув голову, когда он неловко пытался объяснить ей устройство одной из дедовых программ. О вечерах, когда они вдвоём просто сидели во дворе её дома и молчали, и это молчание было наполненным, не пустым. Простая, настоящая, земная привязанность — без всякой магии, без тайн, но от этого не менее дорогая.

Он тогда ещё не знал, что когда-нибудь ему придётся сравнивать эту любовь с чем-то, чему нет названия на человеческом языке.

Бабушка приехала в воскресенье, около полудня — без звонка, без предупреждения. Чёрный лимузин подъехал прямо к крыльцу. Она вышла — прямая, сдержанная — коротко обняла сына, едва заметно кивнула его жене и произнесла, не тратя времени на предисловия:

— Я ненадолго, по делу. Мне нужен Ларсон.

Его позвали в кабинет отца. Бабушка уже была там — стояла, не присаживаясь.

— Ты знаешь, что через месяц огласят завещание, — сказала она, глядя на него внимательно. — Я здесь по поручению твоего деда. Заранее.

Ларсон молчал, ожидая.

— Первое, — она загнула палец. — Тайная комната переходит в полное твоё владение. Оборудование, разработки — те, что ты знаешь, и те, с которыми ещё не знаком.

— Ещё не знаком? — не удержался Ларсон.

— Узнаешь, — коротко ответила она и продолжила, будто не заметив вопроса. — Второе. Тебе передаётся вся научная документация. По завершённым работам — и по тем, что требуют доработки. Есть и такие, что только начаты — по ним дед оставил отдельные указания. Со всем этим тебе нужно познакомиться до оглашения завещания.

— Но это же... — начал было Ларсон.

— Месяца хватит, — перебила бабушка. — Так сказал твой дед. И добавил, что многое из этого ты уже знаешь.

Она сделала паузу — впервые за весь разговор, — и её голос чуть смягчился. — И последнее. Самое важное. Чтобы работать над этим как следует, тебе нужно переехать в дом деда.

— Переехать? — Ларсон почувствовал, как земля будто качнулась под ногами. — Совсем?

— Я понимаю, это непросто, — сказала она, и впервые за разговор в её голосе послышалось что-то похожее на сочувствие. — Я обещала ему, что первое время проживу там с тобой. Не обещаю, что надолго. Но этот месяц — да.

— А школа? А... — попытался спросить Ларсон, но бабушка уже направилась к двери.

— Собирай вещи. Я жду в машине.

У порога она чуть задержалась, обернулась к невестке:

— Спасибо за приглашение остаться на ужин. В другой раз.

И вышла, не дожидаясь ответа.

Ларсон остался стоять посреди кабинета один. Он понимал: сейчас не время для вопросов. Молча поднялся к себе.

В комнате он несколько минут просто сидел, не в силах ни на чём сосредоточиться — так быстро всё произошло. Вспомнил: бабушка ждёт.

Что важное нельзя забыть? Мысли путались. Он закрыл глаза, сделал глубокий вдох, задержал дыхание, медленно выдохнул. Одна из практик, которым научил его дед. Через пару минут в голове прояснилось — и он, уже без лишних движений, как будто кто-то включил в нём нужную программу, начал собирать чемодан.

Глава 2. Переезд Ларсона в дом деда

Дом двоюродных братьев стоял недалеко от дедовского — Ларсон знал это точно, и знание это не радовало.

Он вспомнил, как однажды, ещё совсем маленьким, стоял с кузенами у двери Тайной комнаты, и старший, Адонис, спросил деда напрямик:

— А почему нам нельзя посмотреть? Мы тоже хотим. Дед тогда только пожал плечами:

— Вам, думаю, там не будет интересно.

Больше он ничего не объяснил. Возразить деду никто не посмел — но с того дня любопытство кузенов только разгорелось, а неприязнь к Ларсону стала глубже.

Теперь дед не мог встать между ними. Ларсон останется с этой неприязнью один.

Он вспомнил, как дед однажды сказал ему, серьёзно, без обычной полуулыбки:

— Ты всегда должен трезво оценивать свои силы — и силы противника. Если видишь, что в чём-то он сильнее тебя, — не лезь в драку. Тем более первым.

— А что тогда делать? — спросил тогда Ларсон.

— Возьми паузу. Не обязательно быть другом. Но и врагом быть не обязательно.

— Есть же поговорка — не можешь победить врага, стань ему другом.

— Не призываю тебя к этому, — усмехнулся дед. — Просто возьми паузу.

Ларсон вспомнил этот разговор сейчас, укладывая вещи в рюкзак, и подумал: паузу придётся держать одному. Без подсказок. Бабушка вела машину молча, ровно держа руль, и слушала скрипичный концерт — тот самый, в исполнении её спутника. Музыка заполняла салон, оставляя мало места для слов.

Ларсону хотелось спросить: вспоминает ли она деда? Скучает ли? Снится ли он ей по ночам?

Он покосился на неё — прямая спина, неподвижный профиль, взгляд на дорогу. И промолчал. Что-то в этой неподвижности говорило: не сейчас.

Так они и доехали — без единого слова, под чужую скрипку, — пока впереди, уже в полной темноте, не показался дом деда.

— Я распоряжусь насчёт ужина, — сказала бабушка, паркуясь. — А ты иди располагайся. Комнату свою помнишь. Прими душ, спускайся в столовую.

Ларсону не хотелось ни ужинать, ни разговаривать. Но он понимал: не ему сейчас менять заведённый в доме порядок. Молча кивнул и пошёл к двери.

Глава 3. Завещание

Когда Ларсон вошёл в приёмную вместе с бабушкой, все разом обернулись — будто только их и ждали, хотя до оглашения оставалось ещё полчаса. Бабушка специально рассчитала время: прийти чуть раньше назначенного часа, но позже всех остальных — ровно настолько, чтобы обменяться вежливыми словами и не более того.

В комнате стояло напряжение, которое никто не решался произнести вслух. Ктото держался спокойно — или пытался. У Адониса не получалось.

Он подошёл к Ларсону вплотную, скривив губы в улыбке, которая улыбкой не была.

— Ну что, любимчик, — процедил он, — лишился своего покровителя? Ларсон промолчал. Ответить он не успел бы, даже если бы захотел — Адонис уже развернулся и пошёл к двери, которую открыл адвокат.

Один за другим родственники потянулись внутрь. Ларсон пропустил всех вперёд и вошёл последним, тщательно, будто это имело значение, закрыв за собой тяжёлую дверь.

В кабинете стало тихо — той тишиной, что давит на уши сильнее любого шума. Адвокат достал документы из сейфа, вскрыл конверт и начал читать.

Ларсон слушал — и не слышал. Слова завещания проплывали мимо, пока вдруг все разом не повернулись в его сторону. Только тогда он понял: дошла его очередь.

Дед оставил ему все незавершённые научные труды и большую часть доходов от внедрённых открытий — с объяснением, прямым, как всегда: эти средства Ларсон должен вложить обратно, в работу, которую предстояло продолжить. Дед словно заранее знал, что такое решение вызовет недоумение — и заранее оправдался за него.

Адвокат протянул руку к сейфу и достал ещё один конверт — плотный, тяжёлый.

— Содержимое не оглашается, — сказал он ровным голосом. — Ваш дед распорядился, чтобы вы вскрыли его сами и распорядились им по своему усмотрению.

Он подозвал Ларсона к столу — расписаться в получении.

Ларсон встал. Каждый шаг гулко отдавался по паркету, будто зал был пуст, а не полон людей. Все смотрели молча — никто не решался ни спросить, ни прокомментировать. Кроме Адониса.

— Какая вопиющая несправедливость, — произнёс он, ни к кому конкретно не обращаясь, но так, чтобы слышали все. — Мы будем это оспаривать. Добьёмся пересмотра завещания. Мы тоже вправе знать, что в этом пакете. Вдруг там не только формулы.

Адвокат не удостоил его взглядом. Он молча протянул Ларсону ручку в золочёном футляре.

Ларсон расписался — не поднимая глаз, не отвечая Адонису ни словом, — взял пакет и отошёл к двери. Пакет оказался тяжелее, чем он ожидал.

Утром бабушка объявила, что завтра уезжает — и если у Ларсона есть вопросы, она готова их обсудить.

Вопросов не было. Точнее, был один — тот самый, из машины: скучает ли она по деду, снится ли он ей? Но сейчас, глядя на неё, Ларсон понимал: спрашивать неуместно. Он ведь и не знал её толком — виделись редко, всегда мельком, когда она изредка навещала деда.

Он промолчал. Только поблагодарил её.

На следующий день, после недолгих сборов и последних указаний персоналу, бабушка обняла его на прощание.

— Тебе некогда будет грустить, — сказала она с лёгкой улыбкой. — У тебя будет много интересной работы.

Быстрым шагом она направилась к машине — и уже у самой двери, будто невзначай, бросила через плечо: — Мы будем тебя навещать.

Улыбнулась — той же загадочной улыбкой, с которой говорила почти всё важное, — и села в машину.

Ларсон смотрел ей вслед, пока автомобиль не скрылся за поворотом.

Он вернулся в дом, зашёл в кабинет и долго сидел неподвижно, не решаясь вскрыть таинственный пакет.

«Мы будем тебя навещать», — повторил он про себя. Кто это — мы?

Он подумал о скрипаче. Но почему-то был не до конца уверен, что бабушка имела в виду именно его.

Глава 4. Первые приключения

Ларсон сидел за письменным столом деда, машинально перебирая какие-то бумаги — не вникая в их смысл, просто чтобы занять руки. В какой-то момент он резко отодвинул пакет в сторону.

«Завтра», — решил он.

Поколебавшись, убрал пакет в сейф, закрыл его и пошёл спать — хотя не верил, что уснёт быстро.

Но уснул почти мгновенно, не успев даже додумать план на завтрашний день.

Ему снилось детство — вода, смыкающаяся над головой, и голос отца сквозь толщу: «Учиться плавать — не то же самое, что учиться ходить. Если глубина больше твоего роста — можно утонуть». Тогда отец успел его вытащить. Сон смазал границу между тем давним испугом и тем, что было позже — уже взрослым, уверенным Ларсоном, побеждавшим на университетских заплывах.

А потом сон сменился другим.

Скалы. Море внизу. Ларсон летел — сначала свободно, почти счастливо, — но парашют не раскрывался. Земля стремительно приближалась.

Он проснулся рывком, сердце колотилось. Предчувствие осталось с ним и наяву: что-то нехорошее должно случиться. Он умел разгадывать свои сны — это получалось у него слишком часто, чтобы не доверять этому дару. Иногда сон сбывался в тот же день. Иногда позже. Но сбывался.

Он лежал, вслушиваясь в тишину дома, готовясь к неизвестному.

Резкий звонок в дверь заставил его вздрогнуть.

Ларсон накинуд одежду и почти бегом бросился вниз, распахнул дверь — готовый встретить беду лицом к лицу.

За дверью стоял посыльный с посылкой в руках.

Прошла уже неделя его новой жизни в доме деда. Но в Тайную комнату он так и не заходил — не хватало то ли смелости, то ли уверенности, он и сам не мог понять. И чего-то ждал. Скорее плохого, чем хорошего.

Когда посыльный вручил ему посылку, Ларсон почувствовал странное облегчение.

«Ну вот и началось», — подумал он. Он почти бегом вернулся в кабинет — не терпелось вскрыть пакет, перевязанный бечёвками разного цвета. Обратного адреса не было, и это почему-то тревожило больше всего.

Внутри оказалась костяная табличка, испещрённая незнакомыми символами. Ларсон повертел её в руках, вглядываясь в знаки, — и не узнал ни одного.

Дед изучал многое — календарь Майя, ездил на Мачу-Пикчу, разбирал теорию Дарвина, знал Библию почти наизусть. Но эти символы не были похожи ни на что из этого. Значит, ответа здесь, в памяти, не найти.

«Тогда — в Тайную комнату», — решил Ларсон. Раз не помню — там наверняка есть то, чего я ещё не знаю.

Он вспомнил один их старый спор — про Ноев ковчег, про «каждой твари по паре». Тогда Ларсон горячо доказывал деду, что это не теория, а чистая фантастика. Дед слушал, улыбался, не возражал — а потом вдруг спрашивал:

— А как ты думаешь, Ларсон?

Пауза. И следом:

— А как ты считаешь — можем ли мы?..

Ларсон уже знал этот приём: дед не спорил — он уводил разговор в новую тему. Так было и в тот раз.

— Знаешь, — сказал тогда дед, — человек давно придумал «умный дом» — систему, которая сама регулирует свет, тепло, воду. А мы сейчас работаем над задачей побольше. Хотим, чтобы вся планета работала как такой дом. — Как это?

— Программы будут распознавать движение воздушных масс, температуру, направление ветра. Предсказывать тропические ливни, наводнения, извержения.

— И что тогда?

— А тогда, используя эти данные, можно будет направлять их в нужное русло. Туда, где засуха, — дожди. Штормы — предупреждать заранее. Тучи — рассеивать. Снежные лавины — удерживать.

Дед посмотрел на него внимательно.

— Представь, Ларсон, как сбалансированно жила бы планета. Не было бы голода от засухи. Не было бы гибели от ледяного холода. Люди жили бы одинаково комфортно — хоть на экваторе, хоть у полюса. А не как сейчас: где густо, где пусто.

Ларсон, вспоминая этот разговор, не заметил, как оказался перед дверью Тайной комнаты.

Глава 5. Сон о мусоре

Однажды утром Ларсон пришёл к деду в сад необычно притихшим — без обычных вопросов, без спора, только с помятым тревогой лицом.

— Дед, мне приснился страшный сон, — сказал он. — Я даже записал его. В стихах — так получилось само.

— Прочти мне, — сказал дед, откладывая садовые ножницы.

Ларсон достал мятый листок и, слегка запинаясь, начал читать:

— Однажды мне приснился сон, Как в мусоре тонул мой дом! И страшно было просыпаться, И страшно в мусоре купаться, Во сне я сильно испугался, Как в мусоре я плыть боялся!

Потом я в ужасе проснулся, И глаз уж не могу сомкнуть... Блуждали мысли все про это — Мы засорили всю планету. Не только целлофановым пакетом: Так много мы вещей произвели, Что нам давно не нужно столько — Ни есть, ни пить, ни надевать. И горы свалок с мусором Теперь не знаем, где и сколько, Куда их можно деть...

Он поднял глаза на деда, будто проверяя, не смешно ли это звучит. Дед не улыбался. Он слушал внимательно, как слушал всегда, когда Ларсон говорил что-то по-настоящему важное.

Ларсон продолжил, уже увереннее:

— И сколько лет назад Планета чистой была? Ни пластика, ни целлофана Она тогда не знала. Всегда для упаковки Бумага лишь одна была. И молоко всем по утрам В красивых бочках привозили нам. И каждый шёл за молоком, Из дома взяв с собой бидон...

Он дочитал до конца — про акулу с пластиком внутри, про то, как планете «почти нечем дышать», про мусорный остров в океане, который, как он потом узнал, был больше целой страны.

— И я подумал, дед, — сказал он тихо, сворачивая листок, — а можно ведь просто запретить целлофан? Вернуть бумагу, стекло, вот эти хлопковые сумки — их же можно стирать и снова носить.

Дед долго молчал, глядя на внука с выражением, какое бывало у него только в самые серьёзные минуты.

— Знаешь, Ларсон, — сказал он наконец, — ты сейчас в двух строчках сформулировал то, над чем наша команда бьётся уже который год. Это ведь и есть суть проекта, который я называю «Basura» — испанское слово, означающее мусор. Одна из трёх опор «Три В», о которых я тебе рассказывал.

— Значит, мой сон был не просто сном?

— Сны редко бывают просто снами, — дед улыбнулся впервые за весь разговор. — Особенно у тебя.

Он помолчал, а потом добавил тише, будто делясь настоящим секретом:

— Мы уже нашли способ, как разбирать самые старые свалки на исходные элементы — возвращать их земле или превращать в чистую энергию. Но вот с новым мусором сложнее: люди производят его быстрее, чем мы успеваем его перерабатывать. Задача — не только чистить последствия. Задача — научить людей не создавать эту грязь заново. А это, Ларсон, куда труднее, чем разложить пластик на атомы. — Как акула на пьедестале, — вдруг сказал Ларсон.

— Что?

— Из моего сна. Была ещё одна картина — макет акулы, а внутри неё — настоящий пластик, целлофан. Чтобы все видели.

Дед посмотрел на него долгим, оценивающим взглядом — так, будто увидел что-то, чего не ожидал увидеть так рано.

— Вот именно это нам и нужно, — сказал он. — Не только машины, которые чистят океан. Нам нужны образы, которые заставляют людей почувствовать. Твоя акула, Ларсон, стоит иногда больше, чем весь наш нейроанализ данных.

Дед задумчиво покрутил в руках садовые ножницы, будто взвешивая следующую мысль.

— Знаешь, Ларсон, перерабатывать мусор — это только половина дела. Можно построить сколько угодно заводов, разбирающих пластик на атомы, но если люди продолжают покупать десятую пару кроссовок, которая им не нужна, только потому что вышла новая модель, — свалки будут расти быстрее, чем мы успеваем их убирать.

— А зачем люди это делают? — спросил Ларсон. — Покупают то, что не нужно?

— Потому что так их приучили. Столетиями внушали: чем больше вещей — тем ты успешнее. Новая одежда каждый сезон, новый телефон каждый год, даже если старый работает прекрасно. Это называется гонкой потребления. И самое опасное — люди в ней участвуют не потому, что счастливы, а потому что боятся отстать.

— Значит, нужно, чтобы люди перестали хотеть новое? — Не совсем, — дед покачал головой. — Нужно, чтобы изменилось само представление о том, что считается хорошим тоном. Представь: сейчас модно иметь много вещей. А что, если модным станет обратное — иметь ровно столько, сколько действительно нужно? Носить одну хорошую вещь долго, а не десять дешёвых — по разу? Чинить, а не выбрасывать? Это не бедность, Ларсон. Это разумность. И если разумность станет привлекательной — так же, как сейчас привлекателен новый бренд, — люди сами перестанут заваливать планету тем, что даже не успевают использовать.

Ларсон задумался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.